

Р.К. Потапова¹⁾, В.В. Потапов²⁾

**СИНКРЕТИЧЕСКИЙ ДУАЛИЗМ МУЗЫКИ И РЕЧИ
КАК ОСОБЫЙ СЕМИОТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН
БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА^{1,2}**

*¹⁾ Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия, RKPotapova@yandex.ru*

*²⁾ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия, volikpotapov@gmail.com*

Аннотация. В статье представлена авторская концепция рассмотрения музыки и речи с позиции семиотики. Семиотические системы музыки и речи исследуются как подсистемы общей семиотической системы межличностной коммуникации. При этом каждая подсистема характеризуется наличием собственных гетерогенных подсистем. Так, семиотическая подсистема речи включает последующие подсистемы, в частности артикуляционную, фонационную, акустическую, перцептивно-слуховую. Далее, например, акустическая подсистема включает свои подсистемы: просодию, тембр и т.д. Музыка и речь рассматриваются в рамках семантики, синтаксиса и прагматики: семантики как области отношений между речевыми и музыкальными проявлениями, с одной стороны, и объектами и процессами в мире, с другой стороны, синтаксиса как области взаимоотношений этих проявлений, прагматики как области влияния значений этих проявлений на их пользователей. Наша концепция основана на функционировании бинарной оппозиции «ratio – emotio». Просодическая основа речи и базовые выразительные средства «языка музыки» – едины. Как речь, так и музыка используют одни и те же пространственные и временные координаты, соотносящиеся со звуковой динамикой.

Ключевые слова: общая семиотика; семиотическая подсистема «речь»; семиотическая подсистема «музыка»; синкретизм; дуализм.

Поступила: 15.01.2018

Принята к печати: 03.04.2018

¹ © Р.К. Потапова, В.В. Потапов, 2018

² Исследование поддержано Российским научным фондом (РНФ). Проект № 18-18-00477.

R.K. Potapova¹⁾, V.V. Potapov²⁾
Syncretic dualism of music and speech
as a special semiotic phenomenon of the human being

¹⁾ *Moscow state linguistic university*
Moscow, Russia, RKPotapova@yandex.ru

²⁾ *Lomonosov Moscow state university*
Moscow, Russia, volikpotapov@gmail.com

Abstract. The paper presents a new conception within which music and speech are treated from the semiotic perspective. The music and speech semiotic systems are examined as special hierarchical subsystems of the general semiotic interpersonal communication system. So, every speech semiotic subsystem has its own heterogeneous subsystems: e.g., articulatory, phonatory, acoustic, perceptual-auditory, etc. The speech semiotic acoustic subsystem has its own subsystems, e.g. prosody, timbre, etc. Music and speech are considered within semantics, syntax and pragmatics: semantics as an area of relations between speech and music expressions, on the one hand, and objects and processes in the world, on the other hand; syntax as an area where these expressions are interrelated; pragmatics as an area where the meaning of these expressions influences their users. Our speech and music semiotic conception includes the binary opposition «ratio – emotio». The prosodic basis of speech and basic expressive means of the «music language» are interconnected. Speech, as well as music, uses the same space and time coordinates representing the sound dynamics.

Keywords: general semiotics; semiotic subsystem «speech»; semiotic subsystem «music»; syncretism; dualism.

Received: 15.01.2018

Accepted: 03.04.2018

...Наиболее вразумительным в языке является
не слово, а тон, сила, модуляция, темп, с которыми
проговаривается ряд слов, короче, музыка – за словами,
страсть – за этой музыкой, личность – за этой страстью:
стало быть, все то, что не может быть написано.

Фридрих Ницше

1. Введение

Жизнь и развитие человека как *homo sapiens* неразрывно связаны со звуковой передачей информации, позволяющей с помощью акустических сигналов определенной мощности, длительности и частотных модуляций обеспечить коммуникацию, не только указав на объект, процессы и явления окружающей действительности.

вительности, но и передав свое непосредственное личностное отношение к этой действительности, что обусловлено целым спектром эмоций и эмоционально-модальных состояний и что породило тот синкретизм музыки и речи, который сопровождал бытие человека всю историю его существования. О природе музыки и ее воздействия на человека свидетельствуют археологические артефакты, относящиеся к доисторическому периоду (разнообразные музыкальные инструменты: преимущественно ударные и шумообразующие, примитивные флейты и дудки). Фактор воздействия музыки и речи несомненно присутствует в различных ритуальных обрядах. При подобном подходе представляется логичным, что оппозиция «*emotio* – *ratio*» соотносится с общей макросемиотической системой коммуникации в социуме, что, в свою очередь, дает возможность выделить коммуникативную семиотику как поликомпонентную макросистему, в которой особое место принадлежит музыке и речи.

Общая психо-физиолого-порождающая и акустическая базы передачи сигнального континуума музыки и речи позволяют говорить о синкретизме (от греч. *synkrētis* – соединение, объединение) этих процессов, т.е. их слитности и нерасчлененности, характерных для первоначального состояния первобытного искусства, включающего передачу смысловой и эмотивной информации. Со временем происходит постепенное расслоение используемых человеком акустических средств под влиянием функционального предназначения речевых и музыкальных знаков, передающих в одном случае смысловую (*ratio*), а в другом случае исключительно эмоциональную (*emotio*) информацию. В данном случае можно предположить, что природный генетический синкретизм музыки и речи под влиянием развития социума и коммуникативных парадигм претерпел изменение в сторону развития музыки и речи по пути их преобразования в особые формы экспликации мысли и эмоций. Все эти кодовые средства коммуникации вошли в общую коммуникативно-семиотическую макросистему передачи информации. При этом все знаки коммуникативно-семиотической макросистемы, с нашей точки зрения, целесообразно рассматривать с учетом процессов их порождения и восприятия в бинарном соотношении, например (см. табл. 1):

Таблица 1

Процессы порождения и восприятия коммуникативно-семиотических макросистем в бинарном соотношении

<i>Семиотические макросистемы</i>	<i>Порождение</i>	<i>Восприятие</i>
<i>Язык</i>	вербалика	когнитивная вербалика
<i>Речь</i>	вербалика, коннотативная паравербалика	слуховые вербальные и эмоционально-модальные образы
<i>Музыка</i>	голосовая, инструментальная паравербалика	слуховые и эмоциональные образы
<i>Сопутствующие физиологические рефлексy речевого аппарата</i>	смех, шепот, кашель, храп и др.	слуховые образы

Что же касается других семиотических подсистем семиотической макросистемы (например, кинетической, зрительной, тактильной, обонятельной, вкусовой), то их природа связана с языком, речью и музыкой опосредованно, т.е. через ассоциативный механизм, память, силу воображения и т.д.

Следует отметить, что если все знаковые системы используются человеком в рамках межличностного социокультурного взаимодействия, то семиотические подсистемы музыки и речи используются человеком намного шире и универсальнее, будучи связанными едиными изобразительными средствами просодии и тембральных коннотатов с эмоциональной сущностью человека вне времени и пространства. И в этом отношении существенную роль играет фактор воздействия музыки и речи на адресатов в акте непосредственной или опосредованной коммуникации.

2. Системно-субсистемная семиотическая модель музыки и речи

Общая семиотика межличностной коммуникации включает все природные (естественные) и искусственные способы взаимодействия между людьми с использованием системы знаков, служащих для передачи информации любого вида в конкретном социуме. Изучение общей семиотической системы межличностной коммуникации связано с сущностями различных сигнальных под-

систем (субсистем) и распространяется, например, на психологию, физиологию, социологию, лингвистику и др.

У истоков семиотики стояли Ч. Пирс (1834–1914), Ч. Моррис (1901–1979), Р. Карнак (1891–1970). Во второй половине XX в. наблюдается сдвиг в понимании семиотики: от теоретической философской концепции – к более прикладной концепции, базирующейся на анализе модели поведения человека в коммуникации с включением всех сенсорных способов взаимодействия. Применительно к Европе семиотика (семиология, семасиология) развилась на базе именно разностороннего анализа всех аспектов коммуникации, включая музыку, процесс принятия пищи, одежду, танец и т.д. [Crystal, 1998; 2008].

Естественно, что различные по своей природе группы знаков, с нашей точки зрения, образуют субсистемы данной системы, которые несут в акте межличностной коммуникации различную по своему объему и «весу» смысловую нагрузку. Согласно классической концепции семиотики общую семиотику наделяют обычно тремя уровнями: *семантическим, синтаксическим и прагматическим*, что позволяет включать в семиотическую систему *сигнификативную функцию знаков, функцию комбинаторики знаков* и, наконец, *функцию применения и воздействия знаков* [Потапова, 2013; 2014].

Рассмотрение общей семиотической системы в виде графа позволяет определить сеть (или граф) взаимозависимых семиотических субсистем. Так, языковая субсистема общей семиотической системы коммуникации включает субсистемы естественного и искусственного языков. Субсистема естественного языка включает в свою очередь субсистемы устной (звучащей) и письменной речи, каждая из которых имеет свои субсистемы. Если речь идет о субсистеме звучащей речи в рамках языковой субсистемы общей семиотической системы межличностной коммуникации, то в данном случае эта субсистема обладает своими субсистемами: артикуляторно-фонационной, акустической и перцептивно-слуховой, наделенными целым рядом собственных признаков и функций, позволяющих осуществлять межличностную коммуникацию в режимах как online (в реальном времени), так и offline (в отложенном времени: в системах записи и хранения) речевого сигнала (см. схему, изображенную на рис. 1).

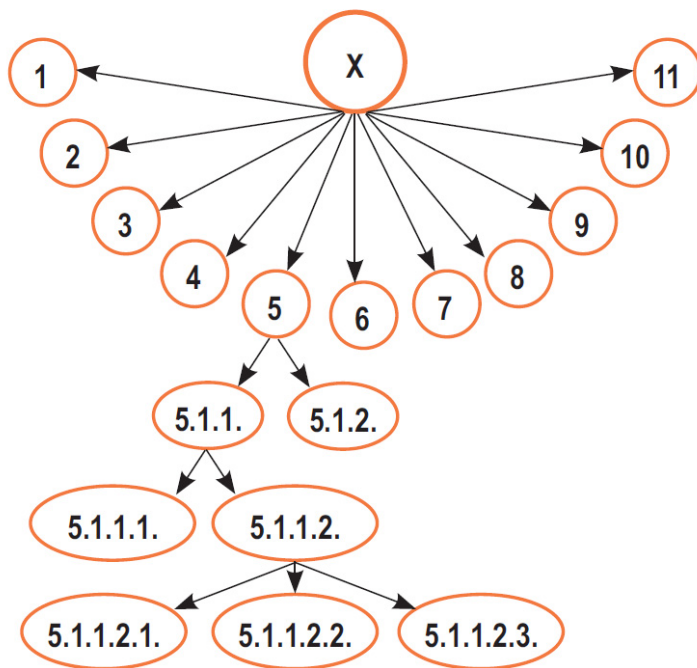

Рис. 1.

Фрагмент общей семиотической системы межличностной коммуникации, являющейся открытым множеством

Согласно предлагаемой схеме целесообразно выделить следующие подсистемы.

Подсистемы

1. Осязательная.
2. Обонятельная.
3. Зрительная.
4. Слуховая.
5. Вербальная (языковая).
6. Музыкальная.
7. Гормонально-сексуальная.
8. Моторно-двигательная.
9. Тактильная.
10. Вкусовая.

11. Эстетическая.

Субсистемы субсистем (выборочно)

5.1.1. Естественный язык (по И.П. Павлову).

5.1.2. Искусственный язык.

5.1.1.1. Письменный естественный язык.

5.1.1.2. Устный естественный язык (звучащая речь).

5.1.1.2.1. Артикуляторно-фонационная субсистема.

5.1.1.2.2. Акустическая субсистема.

5.1.1.2.3. Перцептивно-слуховая субсистема и т.д.

Акустическая субсистема, соотносящаяся, в свою очередь, с субсистемой устного естественного языка (звучащей речи), включает свои составляющие: частоту основного тона (F_{0n} , в Гц), уровень интенсивности (мощность звука – I_n , в дБ) и длительность акустического сигнала (t_n , в мс). Каждая из вышеприведенных составляющих имеет свою субсистему акустических компонентов: например, значение F_0 может быть представлено в виде гармоник частоты основного тона и т.д. Аналогичная картина наблюдается и для таких акустических и воспринимаемых субсистем, как тембр и фазовый спектр. Перцептивно-слуховая субсистема характеризуется знаковыми характеристиками своих субсистем: высотой основного тона (в мелах), диапазоном, регистром голоса (в музыкальных интервалах), темпоральными значениями (в темпоритмических соотношениях), громкостью (в фонах и сонах) и т.д. В настоящее время активно развивается цифровая акустика «в связи с созданием нового поколения микропроцессорной (аудиопроцессорной) и компьютерной техники» [Алдошина, Приттс, 2006, с. 15].

Любое произнесенное слово, высказывание, фраза, являющиеся репрезентантами знаковой субсистемы языка в рамках общей семиотической системы межличностной коммуникации применительно к звучащей речи, реализуются с помощью субсистем гетерогенного характера (артикуляторно-фонационной, акустической, перцептивно-слуховой) [Потапова, 2014]. Сложность глубокого и серьезного изучения звучащей речи усугубляется не только гетерогенностью знаков данных субсистем, но и разнообразием физиологических, органо-генетических, психологических, психолингвистических, психосоматических и интеллектуальных свойств личностей, участвующих в коммуникации [Потапова, 2013]. В связи с этим вряд ли можно верить результатам многих исследований в области экспериментального речеведения, в которых исследова-

тель не учитывает фактор знаковой гетерогенности субсистемы звучащей речи, с одной стороны, и фактор интра- и интердикторской вариативности, с другой стороны.

Таким образом, обращаясь к феномену синкретического дуализма музыки и речи с позиции семиотики, можно утверждать, что в данном случае мы имеем дело с объектом *междисциплинарно-конвергентного* типа исследования.

3. Музыка и речь в когнитивистике

За последние годы наблюдается растущий интерес к сопоставительному анализу языка музыки и речи с позиций не только физиолого-акустических особенностей данного феномена, но и когнитивистики (см. [Language and music as cognitive systems, 2011; Панаютиди, 2013] и др.). Рассмотрение языка в его звучащем виде и музыки как когнитивных подсистем общей семиотической коммуникативной макросистемы предполагает обращение к структурному сопоставлению процессов эволюции нейросистем, когнитивных механизмов, процессов обратной связи, реакции на внутренне и внешне раздражители и т.д.

Примером исследования, основным исходным постулатом в котором является связь вышеупомянутых признаков с двигательной активностью человека, может служить работа [Burrows, 1990], где речь идет о триаде «тело», «разум» и «дух», на которой зиждется процесс порождения звука, речи и музыки. По нашему мнению, данная концепция с ориентацией на механизмы активности человека и на триаду «тело», «разум», «дух» достаточно полно отражает эмоциональную сущность порождения и воздействия музыки.

Существует еще одно направление, наитеснейшим образом связанное с взаимообусловленной зависимостью между звучащей речью (просодией), музыкой и математикой, например [Language and music as cognitive systems, 2011; Панаютиди, 2013].

Рассмотрение языка в его звучащем варианте и музыки как когнитивных систем предполагает обращение к структурному сопоставлению процессов развития, анализа обработки данных, нейрологии, процессов эволюции, психологии. Более широко представлено исследование звука в работе [Burrows, 1990], где исходным

постулатом является связь вышеупомянутых понятий с двигательной активностью человека.

Существуют сведения об особом почитании музыки как особой магической ауры, сопровождавшей различные ритуалы. Слово просодия (от греч. *prosōdia* – ударение, припев), широко вошедшее в терминосистему речеведения, в Древней Греции обозначало песнопения жрецов в храмах. Само слово «музыка» восходит к греч. «*musiké*», что обозначает «искусство муз» – божеств музыки, танца, астрономии и поэзии [Arbonés, Milrud, 2017].

Общеизвестно, что пифагорейская школа, существовавшая с VI в. до н.э., пыталась найти объяснение гармонии Вселенной с помощью математических законов. Известно также, что большая часть этих исследований была посвящена именно музыке. Пифагорейцы создали астрономические, акустические и музыкальные модели, с помощью которых музыка и математика рассматривались в их единстве. Пифагорейцы были убеждены, что движения планет во Вселенной являются источником гармонических колебаний, которые не могут быть непосредственно распознаны ухом человека, но которые в то же время излучают высшую музыку – «музыку сфер». Интересно отметить тот факт, что в греческой и римской частях средиземноморской цивилизации культивировались так называемые «высшие дисциплины» (в отличие от ремесленных, приземленных), которые были разделены на две группы: а) *trivium*, включавшую грамматику, диалектику и риторику; б) *quadrivium*, включавшую арифметику, геометрию, астрономию и музыку. Выбор семи вышеперечисленных дисциплин, так называемых «свободных искусств», был призван характеризовать человечество в равновесии с гармонией Вселенной [Arbonés, Milrud, 2017, p. 12].

На основе пифагорейских концепций возникла $(n + 1) / n$ – система интервалов между двумя соседними звучаниями (тонами), что соответствовало гармонии и мелодичности. Пифагорейская система музыки базировалась на системе тонов, воспроизводимых на струнном инструменте. В их представлении в космосе царит «музыка сфер», которая не воспринимается людьми, но которая воплощает гармонию, зависящую от пропорциональной зависимости между позицией планеты и характером движения, что порождает консонантный или гармонический эффект. Немецкий астроном Иоганн Кеплер (1571–1630) развил пифагорейскую концепцию еще дальше

и с помощью своих вычислений определил вариативность мелодий, излучаемых планетами Венера и Земля в значении интервала $\frac{1}{2}$ тона, т.е. полутона. В то же время интервал между планетами Меркурий и Земля составил более чем одну октаву.

Дальнейшее развитие семиотических подсистем «музыка» и «речь» было полностью связано с эмоциональным и рациональным миром человека. Религиозное использование музыки продолжало оставаться (и остается до сих пор), но обращение к музыке в повседневной жизни человека пошло по пути экспрессии различного рода эмоциональных эмоционально-модальных состояний. В этой связи можно предположить, что развитие знаковости (семиотической функциональной маркированности) пошло по различным направлениям с позиции семиотической теории Ч. Пирса [Peirce, 1978; 1991].

По нашему мнению, с учетом трихотомии Ч. Пирса (иконики, индексика (указателя) и символика) можно было бы попытаться рассмотреть музыкальную семиотику более подробно и сопоставить ее с речевой семиотикой. Размышления по этому поводу привели нас к предположению, что природа семиотической трихотомии применительно к музыке может быть усложнена фактором влияния условий порождения музыкального текста, спецификой агогики (исполнением) с учетом временного охвата, концептуальным направлением в музыке на определенный отрезок времени, жанром и инструментальными особенностями произведения, предназначением относительно вокального включения и т.д.

Если же начать разработку вышеуказанного подхода, то, очевидно, в качестве первой оппозиции с учетом трихотомии Ч. Пирса можно было бы рассматривать оппозицию «светская музыка» – «религиозная музыка», где, во-первых, между знаком (музыкальным произведением светского характера) и объектом (эмоциями, переживаниями автора музыкального произведения) реализуется принцип природного сходства (композитор передает свое эмоциональное состояние, как бы «ищет» свой индивидуальный эмоциональный портрет с помощью определенных музыкальных средств, что можно отнести к разряду *иконических знаков*). То же самое мы имеем и в звучащей речи, иконичность которой обусловлена использованием тех же изобразительных средств просодии (мелодических, динамических и темпо-ритмических и т.д.),

что и в музыке применительно к передаче индивидуального эмоционально-модального состояния говорящего.

Если же обращаться к религиозной музыке, то в данном случае можно было бы предположить, что в большинстве случаев мы имеем дело с *символической* музыкальной информацией, порождаемой определенной религиозной личностью, религиозными канонами, различающимися в разных культурах, конфессиях и вероисповеданиях и т.д. Таким образом, соответствующая специфическая просодия присуща как устно-речевым богослужениям в различных конфессиях, так и музыкальному сопровождению, например, литургии (органное сопровождение службы, хоровое пение и др.).

Таким образом, семиотическая функция иконичности и символичности музыки и речи лежит в основе синкретического дуализма музыки и речи как особого семиотического феномена бытия человека.

Естественно, что в дальнейшем целесообразно исследовать возможность применения принципа семиотической трихотомии Ч. Пирса в музыке и речи с учетом, например, таких факторов, как общее хронологически обусловленное направление в музыке (например, XVII в. – барокко, XVIII в. – классицизм, XIX в. – романтизм), инструментальная и балетно-оперная изобразительная музыка, ритуальная музыка (например, государственные гимны), джаз-импровизация и т.д., с одной стороны, и различные эмотивно-стилистические и коммуникативно обусловленные варианты речевой просодии в кросс-лингвистическом ключе.

4. Семиотические подсистемы «музыка» и «речь» в речеведении

Изучение семиотической подсистемы звучащей речи невозможно без интерпретации экспериментальных данных с позиций знаковости *конкретных* единиц для *конкретных* подсистем в акте конкретной межличностной коммуникации. Те или иные величины акустических параметров, полученные с помощью компьютерных анализирующих речь программ, не проверенные на «знаковость» в режиме восприятия и воздействия в акте коммуникации, вряд ли могут нести сигнификативную нагрузку и быть полезными при описании специфики межличностной коммуникации.

Проверка *звучащей речи* как подсистемы на семантико-синтактико-прагматическую «знаковость» приобретает особое значение для решения таких задач, как определение:

- степени воздействия на партнера (партнеров) по коммуникации;
- возможности идентификации / верификации личности по голосу и речи;
- риторического потенциала личности;
- эмоционального состояния личности;
- индивидуального «портрета» личности по голосу и речи;
- наличия способностей и актерских данных личности;
- соотношения «норма – отклонения от нормы» применительно:

а) к степени владения родным языком;

б) степени владения неродным языком;

в) наличие / отсутствию речевых признаков различного рода патологических нарушений процесса речеобразования и речевосприятия [Потапова, Потапов, 2006; 2012; Potapova, Potapov, 2011; Междисциплинарность в исследовании..., 2015].

В различных лингвистических источниках, как правило, указывается на то, что в области семиотики наибольшая параметрическая и функциональная общность обнаруживается между языком и художественной литературой, т.е. искусством, использующим язык в качестве своего основного средства [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 440]. С нашей точки зрения, подобная аналогия напрашивается и для соотношения «звучащая речь и музыка».

Как указывалось ранее, в рамках разрабатываемой концепции подсистемной семиотической архитектоники применительно к общей коммуникативно-семиотической системе подсистема звучащей речи обладает своим набором подсистем (артикуляторно-фонационной, акустической, перцептивно-слуховой). Наибольшая общность наблюдается между подсистемой звучащей речи и подсистемой музыки – искусством, использующим вышеуказанные подсистемы звучащей речи (в частности, артикуляторно-фонационную, акустическую и перцептивно-слуховую). С учетом этого *как музыка, так и звучащая речь могут рассматриваться как генетически родственные подсистемы общей семиотической системы межличностной коммуникации.*

Проводя сравнение субсистем звучащей речи и музыкальной речи с позиций деятельностного подхода, можно говорить о наличии параллелизма для целого ряда явлений в звучащей речи и в музыке: например, монофония и полифония, способы звукообразования (легато – стаккато), мелодика, ритм, громкость, темпоральность, паузация, тональность, женственность – минорность, мужественность – мажорность, агогика, тема – рема, типы членения речевого и музыкального произведения, фоносемантика, регистры, интервалика и т.д. О неразрывной связи двух семиотических субсистем – звучащей речи и музыки – свидетельствует также параллелизм в области восприятия. «Так, для всякого слушающего музыку, исполняемую другим лицом, звуковые представления, т.е. представления физических звуков, должны субъективироваться, звуки музыки должны перестать быть внешними... С другой стороны, для исполнителя музыкального произведения на каком-нибудь инструменте музыка, как музыкальная воля, должна объективироваться, музыкальные звуки должны сделаться физическими» [Эйгес, 2007, с. 211]. Аналогичная картина наблюдается и для звучащей речи.

Если пойти еще дальше и заглянуть в прошлое истории музыки, то нам представляется убедительным мнение Г. Спенсера: «Вся музыка была первоначально вокальной, все вокальные звуки производятся действием известных мускулов. Эти мускулы побуждаются к сокращению приятными или тягостными чувствами. И поэтому-то чувства выражаются звуками так же, как и движениями» [Спенсер, 2007; цит. по: Эйгес, 2007, с. 219]. По этому поводу К. Эйгес замечает, что «Спенсер сделал большой шаг вперед, когда стал рассматривать пение не как явление просто физическое, не как физические звуки (колебание воздуха), а как биологическое явление, как действие живого тела» [Эйгес, 2007, с. 213].

Звучащая речь как особая семиотическая субсистема является фундаментом *речеведения*, активно внедряемого и развиваемого нами в течение многих лет, начиная с 80-х годов XX в. [Потапова, 1997; Потапова, Потапов, 2006; Potapova, Potapov, 2011 и др.]. О целесообразности изучения звучащих смыслов и речеведения как отдельного направления писал в начале 70-х годов XX в. В. Вейдле: «Языкознание, став наукой о системе языка, куда научней (в узком, но магическом смысле слова) сделалось, чем прежде. В системе этой никаких смыслов нет: они не учитываются систе-

мой. Учитывает она лишь ничего сами по себе не значащие составные части знаков (фонемы); эти знаки (морфемы, слова), обязанные что-то значить, но отнюдь не обязывающие “системоведа” знать, что именно они значат; и, наконец, правила их сочетания в значащие целые (синтагмы, предложения), о которых точно так же не спрашивается, что именно они значат, хотя и принимаются в расчет предварительные схемы их значения. <...> Система-то не может не быть знаковой, но что язык, в широком смысле, включающем речь, ни знаковостью не исчерпывается, ни системой. <...> Соссюровский переворот в языкознании настойчиво <...> требует создания новой дисциплины, которую по-русски проще всего и было бы речеведением называть. Когда она будет создана, переворот этот будет завершен, целиком оправдан и обретет свой полный, еще не осознанный нынче, смысл» [Вейдле, 2007, с. 590–591].

Таким образом, если звучащую речь и музыку рассматривать как родственные по своей природе подсистемы в рамках общей коммуникативной семиотики (семасиологии), то можно прийти к выводу, что сближающей их функцией является *функция воздействия*. Однако именно здесь можно усмотреть и различие в целевой установке применительно к речевой и музыкальной коммуникации. Для речевой коммуникации воздействие на реципиента может реализовываться с установкой как на *ratio* (информирование), так и на *emotio* (эмоциональное воздействие). Что же касается музыки (музыкальной подсистемы межличностной коммуникации), то в данном случае воздействие на реципиента осуществляется исключительно с установкой на *emotio* (влияние на эмоциональное состояние реципиента). Исключением является вокальная коммуникация при наличии текста, включающая установку как на *ratio*, так и на *emotio* [Потапова, Потапов, 2017; Potapova, Potapov, 2018].

В то же время воздействующий эффект достигается с помощью одних и тех же материальных средств: артикуляторно-фонационных, акустических и перцептивно-слуховых. Так, исследуя эмоционально окрашенную речь, мы провели специальный эксперимент, в ходе которого просодические характеристики речи и их параметры, полученные в результате анализа тестовых фраз в различных эмоциональных состояниях без сопроводительного текста, легли в основу своего рода «синтеза» этих фраз с помощью скрипичной и фортепианной нотной записи. Последующее про-

слушивание проигранных «синтезированных» примеров эмоций *радости, страха, ужаса, гнева* показало высокую степень перцептивно-слуховой идентификации (98%) вышеперечисленных эмоциональных состояний аудиторами (число аудиторов $n = 45$) [Потапова, Потапов, 2017; Potapova, Potapov, 2018].

Аналогичный эксперимент на базе «синтезированного» музыкального материала был проведен применительно к идентификации основных коммуникативных интонационных моделей (интоном) русского языка (для завершенного повествования, незавершенного повествования, общего вопроса, частного вопроса и др.) при условии полного исключения эмоциональной компоненты. Перцептивно-слуховые данные показали высокую степень корректной идентификации интоном русского языка, что также подтверждает когнитивную обусловленность наличия семиотических субсистем в формате общей семиотической системы языка и речи.

5. Заключение

Таким образом, в статье изложена разрабатываемая нами *концепция междисциплинарного подхода к изучению звучащей речи и музыки*. Представлена древовидная архитектура иерархических связей ряда семиотических субсистем в рамках общей семиотической системы межличностной коммуникации. Показана гетерогенная природа не только общей семиотической системы межличностной коммуникации, но и такой важнейшей семиотической субсистемы, как язык, и связанная с ней субсистема звучащей речи. Вместе с тем общая гетерогенность всей семиотической системы межличностной коммуникации предполагает наличие сходных по своей природе и функциям субсистем, к числу которых могут быть отнесены субсистемы звучащей речи и музыки, обладающие сходными субсистемами передачи формы и содержания речевого и музыкального высказывания.

Следует еще раз обратить внимание на то, что обе субсистемы звучащей речи и музыки с иерархией своих подсистем на заре развития человечества были в синкретическом состоянии, существовали в единстве и обладали общим знаковым потенциалом. О дальнейшем параллельном развитии этих субсистем свидетель-

ствуют способы передачи речевой и музыкальной информации, используемая терминология и т.д.

По нашему мнению, именно семиотический подход к речеведению позволяет «высветить» только те речевые знаки и комплексы знаков, которые релевантны для коммуникации в целом, с одной стороны, и которые маркируют индивидуальную, социальную, этническую и другие виды деятельности человека, с другой стороны. В связи с этим предлагается ввести в терминологический обиход речеведения название новой единицы анализа на эмическом гештальт-психологическом уровне – *семиотему*, характеризующую инвариантный «пучок» субсистемных речевых признаков, влияющих на конечный эффект межличностной коммуникации. Используя аппарат семиотем, можно выстроить парадигмы прагмафонетического характера для решения различных научно-исследовательских и практических задач (оценки различных видов публичной речи, актерского мастерства; диагностики в области психиатрии, криминалистики и т.д.). Таким образом, *язык, речь и музыку предлагается рассматривать как семиотическую триаду смыслов, образов и эмоций*.

Не менее интересным является исследование воздействующей функции музыки и речи в сопоставлении изобразительных средств этих двух семиотических субсистем. Речь идет, прежде всего, об эвокационной функции, которая непосредственно связана с просодико-тембральными признаками музыки и речи, что наитеснейшим образом переплетается, с нашей точки зрения, с фоносемантикой. Так, согласно Аристотелю, «что касается мелодий, то уже в них самих содержится подражание нравственным переживаниям. Это ясно из следующего: музыкальные лады существенно отличаются один от другого, так что при слушании их у нас является различное настроение, и мы неодинаково относимся к каждому из них, так, слушая один лад, например, так называемый миксолидийский, мы испытываем более скорбное и сумрачное настроение; слушая другие, менее строгие лады, мы размягчаемся, иные лады вызывают у нас преимущественно среднее уравновешенное настроение; последним свойством обладает, по-видимому, только один из ладов, именно дорийский; фригийский лад действует на нас возбуждающим образом» [Аристотель, 1983; цит. по: Панаиотиди, 2013, с. 201].

Аналогичное эвокативное воздействие эмоциональных и эмоционально-модальных стимулов на реципиентов реализуется как в музыке, так и в речи, что свидетельствует не только о параллелизме этих двух семиотических подсистем общей макросемиотической системы социально-коммуникативного взаимодействия, но и об их общем этимологическом корне, развивавшемся и совершенствовавшемся в течение тысячелетий, объединившем в той или иной степени различные знаковые средства передачи и приема информации жизнедеятельности человека с учетом всех тех жизненных психических и нейродинамических реакций человека на внешнюю среду (как положительных, так и отрицательных), которые были реализованы с помощью тембра, темпа, ритма, мелодических средств (диапазона, регистров, высоты тона и т.д. И в этой связи следует подчеркнуть, что эмоции на входе модели коммуникации (через музыку, речь) и на выходе этой модели (распознанные реципиентом музыкальные и речевые образы этих эмоций) – не одно и то же. Более подробно этот эффект когнитивной энтропии предстоит еще исследовать. Очевидно одно: музыка, как и речь являются сами по себе носителями эмоциональной и эмоционально-модальной информации, но *насколько адекватно* она будет воспринята и распознана реципиентом, зависит от ряда как внутренних идиосинкразических свойств личности, так и от внешних условий принятия и декодирования – полученного сигнала (см. [Потапова, Потапов, 2017; Potapova, Potapov, 2017; 2018]). Согласно результатам нашего исследования, когнитивная оценка эмоций носителями разных языков и культур характеризуется наличием разновеликой дивергенции, что позволяет говорить о функционировании феномена *когнитивной энтропии* при оценке эмоционального состояния партнера по коммуникации, в процессе как речевого, так и музыкального взаимодействия.

Хотелось бы упомянуть тот факт, что, уже закончив работу над статьей, в процессе поиска емкого по содержанию афоризма мы обратили внимание на точку зрения Ф. Ницше [Ницше, 2008], которая полностью совпала с нашей концепцией, что подтвердило целесообразность данного направления в сопоставительном исследовании музыкальной и речевой материи.

Таким образом, музыка и речь представляют собой уникальный феномен, характеризующийся, с одной стороны, синкретизмом своего происхождения, с другой стороны, дуализмом в своей

эволюции, обусловленным функциональной дивергенцией между способами передачи музыкальной и речевой информации и степенью их воздействия на человека.

Список литературы

- Алдошина И., Приттс Р.* Музыкальная акустика. – СПб.: Композитор, 2006. – 720 с.
- Аристотель.* Политика. Сочинения: В 4 т. / Пер. С.А. Жебелева. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – 830 с.
- Вейдле В.* Звучащие смыслы // Звучащие смыслы: Альманах. – СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2007. – С. 574–641.
- Лингвистический энциклопедический словарь* / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.
- Ницше Ф.* Афоризмы, изречения, мысли. – СПб.: Паритет, 2008. – 318 с.
- Панаиотиди Э.Г.* Эмоции в музыке и в нас. Критический анализ дискуссии в аналитической философии музыки. – Владикавказ: ИП Цопанова А.Ю., 2013. – 302 с.
- Потапова Р.К.* Звучащая речь как подсистема в общей семиотической системе межличностной коммуникации // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – Вып. 1 (687): Фонетика: Проблемы и перспективы. – С. 189–196.
- Потапова Р.К.* Коннотативная паралингвистика. – М.: Триада, 1997. – 67 с.
- Потапова Р.К.* Речь: Коммуникация, информация, кибернетика. – М.: URSS, 2015. – 600 с.
- Потапова Р.К.* Семиотическая гетерогенность устно-речевой коммуникации // Нейрокомпьютеры: Разработка, применение. – М.: Радиотехника, 2013. – № 1. – С. 4–6.
- Потапова Р.К., Потапов В.В.* Акустические и перцептивно-слуховые детерминанты передачи речевой и музыкальной информации с позиции семиотики // II Межд. науч. семинар «Язык, музыка и компьютерные технологии» (17–19 апреля 2017 г.). – СПб.: ГУАП, 2017. – С. 54–60.
- Потапова Р.К., Потапов В.В.* Речевая коммуникация: От звука к высказыванию. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 464 с.
- Потапова Р.К., Потапов В.В.* Язык, речь, личность. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 496 с.
- Междисциплинарность в исследовании речевой полиинформативности* / Потапова Р.К., Потапов В.В., Лебедева Н.Н., Агибалова Т.В. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 352 с.
- Спенсер Г.* Происхождение и деятельность музыки // Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские: В 3-х т. – СПб., 1900. – Т. 2. – С. 161–189.
- Эйгес К.* Очерки по философии музыки // Звучащие смыслы: Альманах. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2007. – С. 175–222.

- Arbonés J., Milrud P. Die Mathematik der Musik: Rhythmus, Resonanz und Harmonie. – Kerkdriel: Librero, 2017. – 159 S.
- Burrows D. Sound, speech and music. – Amherst: Univ. of Massachusetts press, 1990. – 138 p.
- Crystal D. Die Cambridge Enzyklopädie der Sprache. – Frankfurt; New York: Campus Verlag, 1998. – 478 S.
- Crystal D. A dictionary of linguistics and phonetics. – 6th ed. – Oxford: Wiley Blackwell Publishing, 2008. – 529 p.
- Language and music as cognitive systems / Ed. by P. Rebuschat, M. Rohrmeier, J.A. Hawkins, and I. Cross. – Oxford: Oxford univ. press, 2011. – 356 p.
- Peirce Ch.S. Logic as semiotic. The theory of signs // The philosophy of Peirce: Selected writings / J. Buchler (ed.). – N.Y.: Ams Press, 1978. – P. 98–119.
- Peirce Ch.S. Prolegomena to an apology for pragmatism / J. Hoopes (ed.) // Peirce on signs: Writing on semiotic by Ch.S. Peirce. – Chapel Hill (North Carolina); London: Univ. of North Carolina press, 1991. – P. 249–251.
- Potapova R.K., Potapov V.V. Kommunikative Sprechfähigkeit: Russland und Deutschland im Vergleich. – Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2011. – 312 S.
- Potapova R., Potapov V. Cognitive entropy in the perceptual-auditory evaluation of emotional modal states of foreign language communication partner / A. Karpov, R. Potapova, I. Mporas (eds.) // SPECOM 2017. LNCS (LNAI). – Cham: Springer, 2017. – Vol. 10458. – P. 251–261.
- Potapova R.K., Potapov V.V. Acoustic and perceptual-auditory determinants of transmission of speech and music information (In regard to semiotics). – Cham: Springer, 2018. – (Communications in computer and information sciences). – Preprint.

References:

- Aldoshina, I., Pritts, R.: Muzykal'naya akustika. Kompozitor, Saint-Petersburg (2006).
- Aristotel'. Politika. Vol. 4. Mysl', Moscow (1983).
- Veidle, V.: Zvuchashchie smysly // Zvuchashchie smysly: Al'manakh. Izd-vo Sankt-Peterb. un-ta, Saint-Petersburg (2007).
- Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar': Yartseva V.N. (ed). Sovetskaya entsiklopediya, Moscow (1990).
- Nitshe, F.: Aforizmy, izrecheniya, mysli. Paritet, Saint-Petersburg (2008).
- Panaotidi, E.G.: Emotsii v muzyke i v nas. Kriticheskii analiz diskussii v analiticheskoi filosofii muzyki. IP Tsopanova A. Yu., Vladikavkaz (2013).
- Potapova, R.K.: Zvuchashchaya rech' kak subsistema v obshchei semioticheskoi sisteme mezhlichnostnoi kommunikatsii. MSLU Bulletin. Vol. 1 (687): Fonetika: Problemy i perspektivy, 189–196 (2014).
- Potapova, R.K.: Konnotativnaya paralingvistika. Triada, Moscow (1997).
- Potapova, R.K.: Rech': Kommunikatsiya, informatsiya, kibernetika. URSS, Moscow (2015).

- Potapova, R.K.: Semioticheskaya geterogennost' ustno-rechevoi kommunikatsii. Neurokomp'yutery: Razrabotka, primeneniye. Vol. 1, 4–6 (2013).
- Potapova, R.K., Potapov, V.V.: Akusticheskie i pertseptivno-slukhovye determinanty peredachi rechevoi i muzykal'noi informatsii s pozitsii semiotiki. In: II International workshop «Language, music and computing» (17–19 April, 2017). Saint-Petersburg, pp. 54–60 (2017).
- Potapova, R.K., Potapov, V.V.: Rehevaya kommunikatsiya: Ot zvuka k vyskazyvaniyu. LRC Publishing House, Moscow (2012).
- Potapova, R.K., Potapov, V.V.: Yazyk, rech', lichnost'. LRC Publishing House, Moscow (2006).
- Potapova, R.K., Potapov, V.V., Lebedeva, N.N., Agibalova, T.V.: Mezhdistsiplinarnost' v issledovanii rechevoi poliiinformativnosti. LRC Publishing House, Moscow (2015).
- Spenser, G.: Proiskhozhdenie i deyatel'nost' muzyki. In: Spenser, G. Opyty nauchnye, politicheskie i filosofskie. Vol. 2. Sankt-Petersburg (1900).
- Eiges, K.: Ocherki po filosofii muzyki. In: Zvuchashchie smysly. Izd-vo Sankt-Peterburg. un-ta, Saint-Petersburg, pp. 175–222 (2007).
- Arbonés, J., Milrud, P.: Die Mathematik der Musik: Rhythmus, Resonanz und Harmonie. Librero, Kerkdriel (2017).
- Burrows, D.: Sound, speech and music. University of Massachusetts Press, Amherst (1990).
- Crystal, D.: Die Cambridge Enzyklopädie der Sprache. Frankfurt; New York, Campus Verlag (1998).
- Crystal, D.: A dictionary of linguistics and phonetics. 6th ed. Blackwell Publishing, USA; UK; Australia (2008).
- Language and music as cognitive systems. Rebuschat, P., Rohrmeier, M., Hawkins, J.A., Cross, I. (eds). Oxford University Press, Oxford (2011).
- Peirce, Ch.S.: Logic as semiotic. The theory of signs. In: Buchler, J. (ed): The philosophy of Peirce. Selected writings. Ams Press, New York, pp. 98–119 (1978).
- Peirce, Ch.S.: Prolegomena to an apology for pragmatism. In: Hoopes, J. (ed): Peirce on signs. Writing on semiotic by Ch.S. Peirce. University of North Carolina Press, Chapel Hill (North Carolina); London, pp. 249–251 (1991).
- Potapova, R.K., Potapov, V.V.: Kommunikative Sprechfähigkeit: Russland und Deutschland im Vergleich. Böhlau Verlag, Köln; Weimar; Wien (2011).
- Potapova, R., Potapov, V.: Cognitive entropy in the perceptual-auditory evaluation of emotional modal states of foreign language communication partner. In: Karpov, A., Potapova, R., Mporas, I. (eds) SPECOM 2017. LNCS (LNAI). Vol. 10458, pp. 251–261 (2017).
- Potapova, R.K., Potapov, V.V.: Acoustic and perceptual-auditory determinants of transmission of speech and music information (In regard to semiotics). In: Communications in computer and information sciences (2018) (preprint).